

УДК 811.163.1
ББК 81.2

Соломоновская Анна Леонидовна,
кандидат филологических наук,
Новосибирский государственный университет,
ул. Пирогова, д. 2, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: asolomonovskaya@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ИДИОЛЕКТЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Аннотация: Семантические группы лексем в церковнославянском и древнерусском языках часто исследуются, но в основном на материале словарей, включающих лексику разных хронологических срезов и территорий. Изучение конкретной лексической группы в тексте одного автора (или переводчика) позволяет восстановить конкретный фрагмент лексической системы (и картины мира) в том виде, в котором он существовал в определённый момент прошлого. В этом отношении славянский Корпус Ареопагитик является уникальным источником, так как датирован (1371 г.), атрибутирован Исаею Серрскому и дошёл до нас в автографе переводчика (Гильф 46), отражая, таким образом, его идиолект. Более того, сам Корпус затрагивает вопросы познания и содержит комментарии, разъясняющие значение соответствующей терминологии. Рассматриваемое на материале данного памятника семантическое поле («умственная или интеллектуальная деятельность») включает около 500 единиц и сформировано несколькими подполями: «способность к интеллектуальной деятельности» (центр поля), «интеллектуальная деятельность, направленная на познание», «результат интеллектуальной деятельности» и т.п. Рассматриваются, в частности, такие лексеммы, как *ум*, *разум*, *слава*, *ведети*, *разумети*, *знати*, *художество* и *хитрость*.

Ключевые слова: семантическое поле, «интеллектуальная деятельность», славянский Корпус Ареопагитик, идиолект, Исаия Серрский.

Исследование лексики с точки зрения её семантики является традиционным в историческом языкознании. Одна из областей такого исследования — изучение слов с близким значением — например, глаголов речи, деятельности, движения. Глаголы мышления в древнерусском и церковнославянском языках также не раз становились объектом внимания учёных как по отдельности, так и в качестве лексико-семантической группы, например, работы Н. Г. Михайловской [10] или диссертация Е. Н. Егиной [7], однако большинство исследователей выполняют эту работу на материале исторических словарей, которые обычно охватывают достаточно обширный временной период и лексику памятников, созданных или переведённых в разных

славянских областях. Ни в коем случае не преуменьшая значение Slavia Orthodoxa и соответствующего культурного и языкового единства, мы считаем тем не менее, что особый интерес может представлять рассмотрение конкретного лексического материала, порождённого в одной языковой среде и даже в идиолекте одного человека.

Здесь возникают две проблемы: с одной стороны, в таком случае сложно найти достаточный материал для выборки, а с другой — труднее определить семантику данной единицы в связи с небольшим количеством контекстов её употребления. Кроме того, известно не так много датированных и атрибутированных церковнославянских памятников, которые бы дошли до нас в автографе автора или переводчика, чтобы исключить возможность контаминации при переписке. В этом отношении славянский Корпус Ареопагитик представляет уникальную возможность преодолеть все эти сложности: во-первых, это очень объёмный памятник (в результате сплошной выборки по словоуказателю к корпусу, составленному Д. и С. Фаль [5], было выявлено около пятисот различных лексем с архисемой «умственная деятельность», многие из которых употребляются в нескольких десятках и даже сотнях контекстов); во-вторых, поскольку перед нами переводной памятник, хорошо изученный текст оригинала — сочинений отца церкви Псевдо-Дионисия Ареопагита — является хорошим подспорьем для определения точного значения того или иного слова. И в-третьих, до нас дошёл автограф самого переводчика — инока Исаяи (рукопись Гильф. 46), закончившего свой перевод в 1371 г., как это было доказано Г. М. Прохоровым и его петербургскими и немецкими коллегами [12]. Таким образом, рассматривая лексику с общим семантическим элементом «мышление», выбранную из данного памятника, мы можем с уверенностью сказать, что перед нами синхронный срез лексической системы, более того, что в этом виде она существовала в идиолекте двуязычного афонского монаха Исаяи Серрского. Помимо собственно перевода Корпуса, плода многолетнего труда книжника, Исаяя оставил нам и свой собственный оригинальный текст — предисловие (в некоторых рукописях послесловие), в котором он рассказал историю своего труда, объяснил встретившиеся на этом пути сложности, а также оставил необыкновенно трогательный в своей искренности и пронзительности отчёт о судьбах Сербской земли после турецкого нашествия. Предисловие это интересно ещё и тем, что в нём Исаяя также употребляет лексику интересующего нас поля, что позволяет сделать выводы об особенностях употребления некоторых слов данной группы в «живом» языке переводчика.

Ещё одно обстоятельство, которое делает обращение к славянскому корпусу Ареопагитик особенно полезным, является тот факт, что в некоторых случаях составитель схолий к тексту трактатов (в частности, трактата «О Божественных именах») сам считает необходимым разъяснить значение тех или иных терминов, образующих интересующее нас поле: например, в таком пассаже (схолии к главе 1 трактата): **мьчтаніе же въ мысли изъвѣразүемо, слава же извѣщенное непщеваніе** [6, с. 181] (здесь и далее церковнославянский текст Ареопагитик цитируется по изданию коллектива русских и немецких учёных, возглавляемых Г. Гольцем и Г. М. Прохоровым).

Что касается выбора принципа группирования данной лексики, нам показалось наиболее целесообразным обратиться именно к **семантическому полю**, так как в

отличие от ЛСГ и тематических групп, семантическое поле (понимаемое как группа родственных смыслов или некоторая смысловая сфера) может объединять слова различных частей речи. Термин был введён в лингвистику в работах немецкоязычных авторов Ипсена и Трира и с тех пор широко применяется при исследовании самых разных лексических групп (глаголов движения, цветообозначений и т.д.). А. М. Кузнецов даёт полю в лингвистике в целом следующее определение: «...совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания» [9, с. 380]. Общим содержанием семантического поля, в таком случае, будет наличие архисемы, объединяющей все лексемы, входящие в данное поле. В рассматриваемом в данной работе случае такой архисемой будет «интеллектуальная деятельность» или «ум, разум». Рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть все входящие в поле слова, поэтому мы ограничимся здесь лишь анализом центра поля («способность к интеллектуальной деятельности») и некоторых ключевых лексем, вербализующих подполя, такие, как «интеллектуальная деятельность, направленная на познание» (познание), «результат интеллектуальной деятельности, направленной на познание» (знание); «индивидуальный результат интеллектуальной деятельности» (мнение), «неспособность/утрата способности к интеллектуальной деятельности» («глупость», «безумие»), «интеллектуальная деятельность по сохранению/извлечению полученной в результате познания информации» (память), «процесс протекания и 'квант' (термин О. В. Ивашенко) [8] интеллектуальной деятельности» (мышление, мысль), «формализованная интеллектуальная деятельность» (наука, философия), «интеллектуальная деятельность в применении к обыденной жизни, основанная на жизненном опыте» (мудрость), «интеллектуальная деятельность высшего порядка» (божественная мудрость, премудрость), «мировоззренческая основа интеллектуальной деятельности» (вера), «интеллектуальная деятельность, не имеющая прямой связи с действительностью» (воображение), «интеллектуальная деятельность, направленная на выбор между несколькими альтернативами» (рассуждение, сравнение, сомнение), «интеллектуальная деятельность по постижению сути объекта» (понимание), «интеллектуальная деятельность, направленная в будущее (предвидение), «формирование навыков интеллектуальной деятельности» (обучение), «действия, направленные на облегчение интеллектуальной деятельности» (объяснение).

В центре рассматриваемого в работе поля находятся слова, объективирующие архисему всего поля — «ум, разум». В исследуемом нами тексте ей соответствует общеславянское **оумъ** (всего 381 словоупотребление). Это слово в основном используется для передачи греческого **νοῦς** (в таком случае в терминологической системе Ареопагитик это слово обозначает в единственном числе интеллектуальную способность, свойственную в разной степени Богу, умопостигаемым сущностям и человеку, а во множественном — чин(ы) небесного воинства или церковной иерархии), греческих лексем (**διδασκαλία, ἐπινοία νοερότης**), правда в единичных случаях, а также в сочетаниях: **δωοος, ἐχεφρωῶν, ἐπινοοσ** — **без оума. Оумъ имѣе, съ оумомъ** соответственно (например, **что есть ярость бесловесна и что яже со словомъ, и что безоумно похотеніе, и что еже есть съ оумомъ** [6, с. 160]). Таким образом, в семантике церковнославянского **оумъ** в том виде, в котором оно

существовало в идиолекте Исайи, сочеталось и современное значение «ум, разум, способность к интеллектуальной деятельности», и специфическое для перевода Ареопагитик — «небесный ум, один из ангельской иерархии».

Другое современное слово, стоящее в центре поля «разум» также является общеславянским. Как отмечает И. Христов [18], в творчестве Иоанна экзарха Болгарского эта славянская лексема используется для передачи семи греческих — ὀπιλήψις («восприятие чувствами»), δῖαοια («точка зрения»), ἔννοια («понятие»), θεωρία («рассмотрение»), λόγος («аргумент»), νόημα («мысль, понятие»), σύνεσις («изобретательная способность разума»). Сравнив с этим списком греческие соответствия данной лексемы в переводе Корпуса, можно констатировать, во-первых, некоторое сужение круга этих соответствий и соответственно уточнение некогда диффузного значения этого слова, а во-вторых, тот факт, что сами эти соответствия указывают на значительное изменение семантики **разумъ**: γνῶσις («познание») (175 употреблений), σύνεσις, ἐπίγνωσις, φρόνησις. Таким образом, по крайней мере в идиолекте Исайи, данная лексема скорее означала «познание», чем то, что она означает сейчас — интеллектуальную способность. Косвенно на такое изменение семантики указывают производные от этого славянского слова с суффиксами, обозначающими качество (**разумъство**, **разумъньство**), которые входят в то же подполе («способность к интеллектуальной деятельности», а именно к познанию). Другой славянский эквивалент слова γνῶσις — **вѣдѣніе** в переводе Ареопагитик в большинстве случаев (7 из 9 словоупотреблений) используется для передачи греческого εἶδησις — «знание», т. е. указывает на результат действия. Слово «знание», обозначающее данное понятие в современном русском языке в тексте славянских Ареопагитик вообще не зафиксировано. Примерно так же соотносятся и соответствующие глаголы: **вѣдѣти** и **разумѣти** функционировали как синонимы уже на самых ранних этапах развития славянской письменности. Однако данные словарей старославянского языка показывают, что в основном они употреблялись на месте разных греческих эквивалентов. Немногочисленные случаи пересечения греческих соответствий в словарных статьях двух рассматриваемых глаголов сводятся к γιγνώσκω и его производным, а также μαθῆναι. То же явление наблюдается и в славянских Ареопагитиках: из 262 словоупотреблений **разумѣти** в 102 случаях эта славянская лексема передаёт греческое слово νοέω (имеющее два основных значения — «обдумывать что-либо» и «понимать»), а в 47 случаях — γιγνώσκω или его производные; а **вѣдѣти** в подавляющем большинстве случаев (139 из 212) переводит греческий глагол οἶδα («знать»), выступая в качестве эквивалента γιγνώσκω в 56 контекстах. Что касается третьего глагола, который собственно в современном русском языке и передаёт это понятие (**знати**), он используется Исайей всего четыре раза на протяжении всего корпуса: в трёх случаях в соответствии с тем же греческим глаголом (γιγνώσκω), но в переводе схолий (которые переводились свободней, чем основной текст почитаемого отца церкви, освящённого к тому же апостольским авторитетом), а также в составе маргиналии самого переводчика. Поскольку этот глагол присутствует в Словаре Старины Сербской Даничича (с. 382), а следовательно, он был известен сербским

диалектам того времени, фактический отказ от использования данного глагола в переводе текста именно о сакральном знании может свидетельствовать и в пользу предположения Т. И. Вендиной [1] о сакральности-профанности знания, подразумеваемого глаголами **вѣдѣти** и **знати** соответственно, хотя это предположение было опровергнуто в работе А. В. Птенцовой [13].

Единственный глагол, который Исаяя передаёт обоими славянскими эквивалентами, — это $\gamma\upsilon\upsilon\omega\sigma\kappa\omega$ (и его производные). Подробно взгляды автора на соотношение «статического» и «динамического» значений греческого глагола и его славянских эквивалентов изложены в статье «К вопросу об истории славянских глаголов когниции: **вѣдѣти** и **разꙋмѣти** в идиолекте средневекового книжника» [14]. Не повторяя здесь приведённые в указанной статье доводы, констатируем только, что первый из упомянутых глаголов используется Исаяей в «статическом» значении («знать»), а второй — в динамическом («познавать»), тогда как внутренняя форма греческого глагола способствовала выражению обоих этих значений.

Центральной лексемой подполя «индивидуальный результат интеллектуальной деятельности» (мнение) является лексема **слава**, которую Исаяя неизменно использует в соответствии с греческим $\delta\omicron/\chi\alpha$ (58 контекстов). Как отмечает А. В. Григорьев [3] применительно к старославянскому языку, исконным значением данного славянского слова было «мнение», но под влиянием греческого словоупотребления у него развилось значение «хвала». Словоупотребление Исаяи подтверждает это заключение — в 31 из 58 случаев **слава** используется именно в этом значении, в 10 случаях (чаще всего в цитатах из Ветхого и Нового Заветов) эта лексема означает «хвала» (Богу), ещё в 8 контекстах греческое $\delta\acute{o}\xi\alpha$ и его славянский эквивалент используются в современном значении «(мирская) слава», с призывом, разумеется, её избегать, а ещё в 7 случаях мы встречаем комбинацию «слава Божия», христианский термин, означающий «форму полного присутствия Божества». В данном случае нас интересует самое распространённое в Корпусе значение слова. Некоторые контексты (особенно из схолий) представляют особый интерес, так как наглядно показывают особенности данного фрагмента картины мира средневекового книжника. Во-первых, **слава**-мнение может быть либо правильным (и тогда, особенно, как следует продуманное разработанное, оно ложится в основу **хоꙋдожьства** — науки или философского учения (разумеется, в средневековом понимании этих терминов): **хоꙋдожьство же есть слава права помысломъ связанна** [6, с. 196], либо неправильным, ложным и вредоносным, и тогда его следует обличать, отражать и опровергать: **еже не обличати и раздрꙋшати нечъстивыхъ славе** [6, с. 628]. Во-вторых, глоссы часто уточняют значение того или иного слова, что особенно ценно для современного читателя-филолога: **«слава же извъщенное непъцеваніе»** [6, с. 181]. Эта цитата позволяет уточнить значение обоих славянских слов — оба они означают мнение, но **слава** — это мнение публичное, высказанное. Интересно сопоставить данные рассматриваемого текста и данные, приведённые в статье Т. Г. Поповой [11]. В славянском Корпусе Ареопагитик широко используется глагол **непъцевати** (63 словоупотребления), существительное же фиксируется только один раз, в приведённом контексте, где оно было необходимо для пере-

дачи тонких оттенков смысла. Тем не менее можно предположить, что на славянском юге это старославянское словообразовательное гнездо сохранялось, тогда как в русских землях уже в первой половине XIV в. эта лексема была непонятна и как таковая последовательно устранялась при переписке древних переводов, например, «Лествицы» Иоанна Синайского, выполненного в X в.

Ограниченный объём сообщения не позволяет подробно изложить результаты исследования по всем отмеченным элементам семантического поля, однако хотелось бы сказать несколько слов ещё об одном подполе, а именно «формализованная интеллектуальная деятельность», то, что мы сейчас называем «наукой» или «философией». Греческие *ἐπιστήμη* и *τέχνη*, в патристической литературе, в частности, в терминологической системе Ареопагитик имели некоторые особенности. Первой лексемой обозначалось познание истины, настоящее знание, если же речь идёт о традиции Платона, это познание единственного достойного объекта познания — мира идей или, для христианских неоплатоников, включая Ареопагита, — Бога [19]. *Τέχνη* же означало скорее ремесло или искусство, если же речь идёт о науке, то это, скорее, говоря современным языком, «прикладная наука». По данным словаря старославянского языка, у второй из рассматриваемых лексем было два славянских эквивалента ССС *хѣдожьство* и *хѣтрость*, а греческое *ἐπιστήμη*, по данным того же словаря, передавалось только *хѣдожьство*.

Как в переводе, так и в самостоятельном творчестве инок Исаия последовательно различает *хѣтрость* (10 словоупотреблений в Корпусе в соответствии с *τέχνη* и *μέθοδος*) и *хѣдожьство* (86 словоупотреблений в соответствии с *ἐπιστήμη*), сохраняя вышеуказанное соотношение смыслов греческой пары не только в тексте собственно перевода, но и в оригинальном творчестве (в предисловии к переводу), где два типа знания — боговдохновенное и земное в определённой степени противопоставляются: **Греческы бѣ языкъ ово ѡво ѿ бога исперва хѣдоженъ и пространъ бысть ово и ѡ различныхъ по временехъ любовмѹдрецъ оухѣщренъ бысть. Нашъ же словенскы языкъ ѿ бога добръ сътворенъ бысть, понеже вся елика сътвори богъ зѣло добра, нъ оулишеніемъ любовоученіа любовчъстивы слова моужем хѣтрости яко же онъ не оудостоися** [6, с. 1].

Дальнейшее изучение как других лексем, входящих в рассмотренные в статье подполя семантического поля «интеллектуальная деятельность», так и не затронутых в работе подполей позволит воссоздать соответствующий фрагмент картины мира одного из выдающихся деятелей книжности славянского средневековья, афонского инока Исайи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 334 с.
- 2 *Верещагин Е. М.* К дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей (Доклад на IX Международном съезде славистов). М.: ИРЖАП, 1982. 86 с.

- 3 *Григорьев А. В.* К вопросу о коннотативном компоненте значения старославянского слова // Древние языки в системе университетского образования: исследование и преподавание. М.: РГГУ, 2001. С. 105–115.
- 4 *Даничић Ю.* Рјечник из книжевних старина српских. Белград: У државни штампи, 1863. Т. 1. 521 с. Т. 2. 549 с. Т. 3. 598 с.
- 5 *Дионисий Ареопагит* в славянском переводе старца Исаяи (XIV в.) / под ред. Г. Гольца и Г. М. Прохорова. Серия Monumenta Linguae Slavicae. 2012. XV. 4.1, 4.2 (словари). Weiher – Freiburg I. Br. Т. 4.1. 803 с. Т. 4.2. 1640 с.
- 6 *Дионисий Ареопагит* в славянском переводе старца Исаяи (XIV в.) / под ред. Г. Гольца и Г. М. Прохорова. Серия Monumenta Linguae Slavicae. 2011. XV. 2 (наборный текст рукописи Гильф 46). Weiher – Freiburg I. Br. 683 с.
- 7 *Егина Е. Н.* Семантические изменения древнерусских глаголов мышления в процессе словообразования: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996. 280 с.
- 8 *Ивашенко О. В.* Когнитивные классификаторы в семантическом поле абстрактных лексем: На материале лексико-семантического поля ментальных состояний в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 242 с.
- 9 *Кузнецов А. М.* Поле // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 380–381.
- 10 *Михайловская Н. Г.* Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв. Нормативный аспект. М.: Наука, 1980. 253 с.
- 11 *Попова Т. Г.* К вопросу о существовании русской стилистической редакции «Лествицы» Иоанна Синайского // Русский язык: история, диалекты, современность. М.: [Б.и.], 2001. С. 19–30.
- 12 *Прохоров Г. М.* Автограф старца Исаяи // Преводите през XIV столетие на Балканите. София: Горекс прес, 2004. С. 309–314.
- 13 *Птенцова А. В.* Семантическая оппозиция глаголов **знати** и **вѣдѣти** на материале русских оригинальных памятников XI–XVI вв. // Die Welt der Slaven. 2008. Bd. 53, 2. С. 265–278.
- 14 *Соломоновская А. Л.* К вопросу об истории славянских глаголов когниции: **вѣдѣти** и **разѹмѣти** в идиолекте средневекового книжника // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. Т.10, вып. 1. С. 14–19.
- 15 *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. СПб.: Изд-е Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, 1902. Т. 1–3. Т. 1. 1420 + 49 стб. Т. 2. 1802 стб. Т. 3. 1684 + 272 + 13 стб.
- 16 Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1999. 842 с.
- 17 *Топоров В. Н.* Еще раз о др.-греч. σοφία: Происхождение слова и его внутренний смысл // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 148–173.
- 18 *Христов И. В.* Место исследования перевода греческой философии в историко-философском изучении «Шестоднева» Иоанна Экзарха // Отечественная философская мысль XI–XVII вв. и греческая культура. Киев: Наук. думка, 1991. С. 181–192.
- 19 *Roque R.* L'Univers Dionysien: Structure Hierarchique du Monde selon le Pseudo-Denys. Paris: Aubier, 1954. 382 p.

Solomonovskaya, Anna Leonidovna,
PhD in Philology,
Novosibirsk State University,
Pirogova str., 2, 630090 Novosibirsk, Russian Federation
 E-mail: asolomonovskaya@mail.ru

SEMANTIC FIELD
«MENTAL OR INTELLECTUAL ACTIVITY»
IN IDIOLECT OF MEDIEVAL TRANSLATOR

Abstract: Semantic groupings of Church Slavonic and Old Russian lexemes have been a focus of numerous studies mostly based on dictionary materials, which encompass the lexis from different periods and territories. The study of a particular lexical group in the text belonging to one author (or translator) enables us to restore the fragment of the lexical system as it existed at a particular moment in the past. Corpus Areopagiticum Slavicum is a very reliable source of information, as the translation and even one of the manuscripts (Gilt 46) of the Corpus is dated (1371) and attributed to Isaiah of Serres and therefore reflects his idiolect. Moreover, the Corpus itself concerns the questions of cognition and contains commentaries clarifying the meanings of particular Greek (and Slavic in translation) words. The semantic field under consideration («mental or intellectual activity») includes about 500 lexical units (nouns, verbs, adjectives and adverbs) and is formed by several subfields, such as the «intellectual ability» (the centre of the field), «intellectual activity aimed at cognition», «the result of intellectual activity» etc. In particular such lexemes as *um*, *razum*, *slava*, *khudozhestvo*, *khytrost'*, *vedeti*, and *razumeti* are considered.

Keywords: semantic field, «intellectual activity», Corpus Areopagiticum Slavicum; idiolect, Isaiah of Serres.

REFERENCES

- 1 Vendina T. I. *Srednevekovi chelovek v zerkale staroslavianskogo iazyka* [Medieval man in the mirror of Old Church Slavonic Language]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 334 p.
- 2 Vereshchagin E. M. *K dal'neishemu izucheniiu perevodcheskogo iskusstva Kirilla i Mefodiiia i ikh posledovatelei (Doklad na IX Mezhdunarodnom s"ezde slavistov)* [On further study of the art of translation of Cyril and Methodius and their followers (Report on the IX International Congress of Slavic linguists)]. Moscow, IRZhAP Publ., 1982. 86 p.
- 3 Grigor'ev A. V. *K voprosu o konnotativnom komponente znacheniiia staroslavianskogo slova* [On the connotative component of the meaning of the Old Slavonic word]. *Drevnie iazyki v sisteme universitetskogo obrazovaniia: issledovanie i prepodavanie* [Ancient languages in the system of university education: research and teaching process]. Moscow, RGGU Publ., 2001. pp. 105–115.
- 4 Danichich Iu. *Rjechnik iz knizhevnikh starina srpskikh*. Belgrad: U dr'zhavni shtampi Publ., 1863. Vol. 1, 521 p. Vol. 2, 549 p. Vol. 3, 598 p.

- 5 *Dionisii Areopagit v slavianskom perevode startsa Isaii (XIV v.)* [Dionysius the Elder in the Slavonic translation of Isaiah (XIV c.)], ed. G. Gol'tsa i G. M. Prokhorova. Serii Monumenta Linguae Slavicae. 2012. XV.4.1, 4.2 (slovary). Weiher – Freiburg I. Br. Vol. 4.1. 803 p. Vol. 4.2. 1640 p.
- 6 *Dionisii Areopagit v slavianskom perevode startsa Isaii (XIV v.)* [Dionysius the Elder in the Slavonic translation of Isaiah (XIV c.)], ed. G. Gol'tsa i G. M. Prokhorova. Serii Monumenta Linguae Slavicae. 2011. XV. 2 (naborny tekst rukopisi Gil'f 46). Weiher – Freiburg I. Br. 683 p.
- 7 Egina E. N. *Semanticheskie izmeneniia drevnerusskikh glagolov myshleniia v protsesse slovoobrazovaniia: dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic changes of old Russian verbs of thinking in the process of word formation: dis. ... philology. sciences]. Volgograd, 1996. 280 p.
- 8 Ivashenko O. V. *Kognitivnye klassifikatory v semanticheskom pole abstraktnykh leksem: Na materiale leksiko-semanticheskogo polia mental'nykh sostoianii v russkom i angliiskom iazykakh: dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive classifiers in the semantic field of abstract lexems: on the material of lexical-semantic field of mental states in Russian and English: dis. ... philology. sciences]. Voronezh, 2002. 242 p.
- 9 Kuznetsov A. M. Pole [Field]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. Entsiklopediia Publ., 1990, pp. 380–381.
- 10 Mikhailovskaia N. G. *Sistemnye svyazi v leksike drevnerusskogo knizhno-pis'mennogo iazyka XI–XIV vv. Normativnyi aspekt* [System connections in the vocabulary of old Russian books and written language of XI–XIV centuries. Normative aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 253 p.
- 11 Popova T. G. K voprosu o sushchestvovanii russkoi stilisticheskoi redaktsii «Lestvitsy» Ioanna Sinaiskogo [On the problem of Russian stylistic edition of “Ladder” by John of Sinay]. *Russkii iazyk: istoriia, dialekty, sovremennost'* [Russian language: history and dialects, modern period]. Moscow, [B.i.], 2001, pp. 19–30.
- 12 Prokhorov G. M. Avtograf startsa Isaii [Autograph of the elder Isaiah] *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite*. Sofiia, Goreks pres Publ., 2004, pp. 309–314.
- 13 Ptentsova A. V. *Semanticheskaia oppozitsiia glagolov znati i vhdhti na materiale russkikh original'nykh pamiatnikov XI–XVI vv.* [Semantic opposition of the verbs of nobility and vhdhti material on the basis of Russian original monuments of XI–XVI centuries]. *Die Welt der Slaven*. 2008. Bd. 53, 2, pp. 265–278.
- 14 Solomonovskaia A. L. K voprosu ob istorii slavianskikh glagolov kognitsii: vhdhti i razumhti v idiolekte srednevekovogo knizhnika [On the history of the Slavic verbs of cognition: vhdhti and razumhti in the idiolect of a medieval scribe]. *Vestnik NGU. Serii: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Vestnik of NGU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. Novosibirsk, Izd-vo NGU Publ., 2012. Vol. 10, issue. 1, pp. 14–19.
- 15 Sreznevskii I. I. *Slovar' drevnerusskogo iazyka* [Dictionary of Old Russian language]. St. Petersburg, Izd-e Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti imperatorskoi Akademii nauk, 1902. T. 1–3. T. 1. 1420 + 49 stb. T. 2. 1802 stb. T. 3. 1684 + 272 + 13 stb.
- 16 *Staroslavianskii slovar' (po rukopisiam X–XI vekov)* [Old Church Slavonic Language Dictionary (on the basis of manuscripts of X–XI centuries)], ed. R. M. Tseitlin, R. Vecherki i E. Blagovoi. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1999. 842 p.

-
- 17 Toporov V. N. Eshche raz o dr.-grech. sofi/a: Proiskhozhdenie slova i ego vnutrennii smysl [Once again on ancient Greek word sofi / a: the Origin of the word and its inner meaning]. *Struktura teksta* [Structure of the text]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 148–173.
 - 18 Khristov I. V. Mesto issledovaniia perevoda grecheskoi filosofii v istoriko-filosofskom izuchenii «Shestodneva» Ioanna Ekzarkha [The Place of the research of the translation of Greek philosophy in the historical and philosophical study of «Hexaameron» by John Exarch]. *Otechestvennaia filosofskaia mysl' XI–XVII vv. i grecheskaia kul'tura* [Patriotic philosophical thought of XI–XVII centuries. Greek culture]. Kiev, Nauk. Dumka Publ., 1991, p. 181–192.
 - 19 Roque R. *L'Univers Dionysien: Structure Hierarchique du Monde selon le Pseudo-Denys*. Paris, Aubier Publ., 1954. 382 p.